

Олег Дозморов

Дозморов Олег Витальевич родился 06.07.1974 в Свердловске. Окончил филфак и аспирантуру УрГУ, а также факультет журналистики МГУ. Работал грузчиком, сторожем, библиотекарем, преподавателем русского языка, журналистом, редактором. Автор книг: «Пробел» (Екатеринбург, 1999), «Стихи» (Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2002), «Восьмистишия» (Екатеринбург: ТЕПЛО, 2004, 500 экз.), «Смотреть на бегемота» (Москва: «Воймега», 2012, 500 экз.). Стихотворные подборки печатались в журналах «Арион», «Воздух», «Звезда», «Знамя», «Новый мир», «Новая Юность», «Рубеж», «Стороны света», «Урал», «Уральская новь», Утб, на сайте «Полутона» и др. Стихи переведены на голландский, итальянский, английский и украинский языки. С 2004 г. жил в Москве, в 2009–2010 гг. – в Аберистунте (Уэльс). Участник второго и третьего томов АСУП. Живет и работает в Лондоне.

Филологическая маркировка стихов О.Д.

Традиции, направления, течения: классическая традиция, русский романтизм, поэзия 1870–1880-х гг., декадентство, акмеизм, ленинградская поэтическая школа.

Основные имена влияния, переклички: К. Батюшков, Я. Полонский, А. Фет, А. Григорьев, А. Блок, О. Мандельштам, А. Кушнер, С. Гандлевский, Б. Рыжий.

Основные формальные приемы, используемые автором: деталь, пейзажность, «бедная» метафорика, олицетворение, интертекстуальность, горькая самоирония, прозаизация, метатекстовость, лирическая ретроспекция.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: тени, размытость, серебро, творчество, природные явления (дождь, снег), зима и осень, музыка, небеса, облака, смерть, ночь, море, страх, ускользающая жизнь, подспудная тревога, повседневная маета, воспоминания.

Творческая стратегия: сдержанное, элегическое, внимательное к деталям повседневности уловление ее внутреннего драматизма, парадоксальный побег от реальности путем наблюдения за ней, напряженный лиризм.

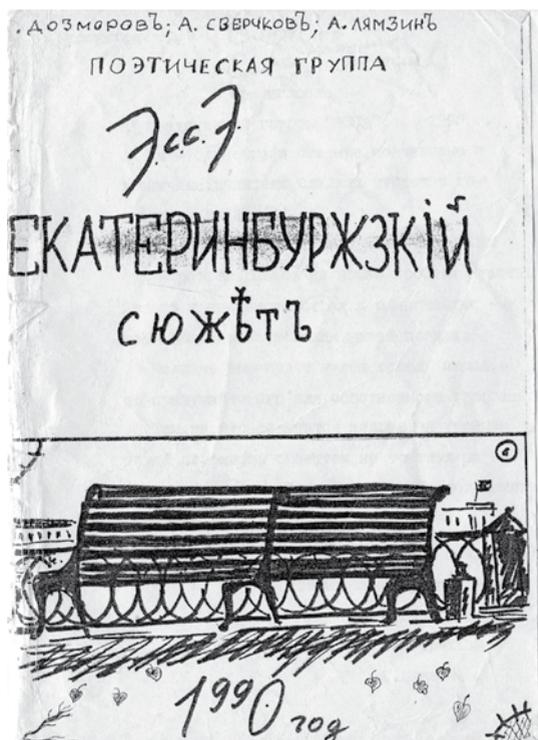
Динамика: стихотворения второго тома пронизаны чувством печали и, временами, даже безысходностью. Однако в этой элегической грусти мимолетно сквозит таинственная прелесть жизни. Стихи третьего тома более сюжетны, социальные и урбанистичны, спектр выраженных в них эмоций шире: вплоть до раздражения. Усиливаются ностальгические мотивы. Повышается автобиографический элемент. Но основная метаэмоция все так же окрашена в пессимистические тона, а лирический герой все тот же – наблюдатель.

Коэффициент присутствия: 0,75

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

В 1988 году, после прослушивания пластинки «Наутилуса», я написал первые стихи, но это не считается. Более или менее осмысленно я начал писать в 1990 году и тогда же стал участником поэтической группы «ЭССЭ».

В названии с самого начала была ошибка – Леша не знал, что «эссе» пишется через «е», и расшифровал лже-аббревиатуру как «Эстетический

синтез – синтез эстетик». Когда узнал, менять что-то было поздно, не напишешь же «эстетик», в самом деле. В группу вошли трое лицеистов – упомянутый Алексей Сверчков, Андрей Лямзин и я, ученики гуманитарного класса СУНЦ при УрГУ. Питомник юных гениев, недоношенное дитя перестройки, побег царскосельской розы на уральском диком шиповнике, был открыт в сентябре 1989 года и впитал в равной пропорции отличников и одаренных троечников со всей Свердловской области, рискнувших бросить после восьмого класса свои средние школы и податься в экспериментальное учебное заведение при университете (куда, как предполагалось, мы поступим без экзаменов, а учиться до того будем не по школьной программе – универсальная приманка и для целеустремленных юнцов с папами в руководстве оборонных предприятий, и для мечтательных бездельников, умирающих от страха перед армией). В лицее, как громко назывались три набранных летом девятых класса и горстка учителей, занявшие один этаж интерната № 19 на окраине Свердловска, откуда можно было пешком дойти до озера Шарташ, процветали искусства и вообще всяческое вольное безделье с несколько оппозиционным оттенком. Например, ничего не стоило исполнить на выпускном песню с припевом «Вива, Гамсахурдия!», от чего со стуком на пол падала орденская планка директора

интерната с уникальным отчеством Гермионович. Говорили, что он брал дворец в Кабуле, впрочем, кто его знает, может, и брал. Уникальное время настоящей, лихой свободы, прошедшее бесследно. Гениев среди нас не обнаружилось, авансы нам раздали, в общем, зря, но под завязку зарядили аккумуляторы элитизмом и в придачу заразили звездной болезнью. Впрочем, желающих учили на совесть и при этом великодушно не мешали уютному безделью остальных.

В городе тогда достиг пика локальный культурный и поэтический расцвет, гремел «Интернационал» (Е. Ройзман, Ю. Крутеева и Д. Рябоконт), с блеском читал свою поэму «Письмо генсеку» Рома Тягунов, пела под гитару Вита Тхоржевская, журнал «Урал» печатал «Дар» Набокова и стихи Еременко. «Пласты» Кальпиди зачитывались до дыр. Самиздатовские сборники «Интернационала» и поэма Тягунова, отпечатанная на ротапринтере, продавались задорого на поэтических конкурсах и чтениях, которые происходили чуть не каждый месяц. Стихи там читались разные, второе отделение обычно оккупировали барды, но главное – в этом не было ничего советского, союзписательского. Шел карнавал, до конца которого оставалось всего ничего.

Пятнадцатилетний Леша выстраивал свою поэтическую карьеру, ориентируясь строго на Серебряный век. Группа «ЭССЭ», по его задумке,

Стоят: О. Д., А. Сверчков.
Сидят: А. Ситников, С. Хренова, М. Выходец, 1991 г.

должна была послужить тем же, чем для Северянина был эгофутуризм – трамплином к славе. Более близким аналогом был «Интернационал», с гражданскими стихами Ройзмана, тонкой лирикой Крутеевой и то похабными и хулиганскими, то сверхкультурными вплоть до античных и библейских тем стихами Димы Рябокопя. Гению был необходим фон, и мы им добровольно стали – Андрей писал постобэриутские абсурдистские четверостишия, я сочинял угрюмые, перегруженные метафорами и довольно корявые городские элегии, а Алексей нашел себя в легковесной бульварной манере Игоря Лотарева, которую мы называли «стихи для девочек». Синтез типа эстетик. (бульварной, кстати, не метафора). Лето, а точнее август 1990 года, прошел на скамейках сквера Попова, под столетними тополями, которые теперь спилили. Лето было холодным, мы мерзли, но почему-то было нужно сидеть там, стреляя сигареты у прохожих и заключая пари – кто даст прикурить, а кто нет. Проголодавшись и захолодав, бежали в гастроном на Толмачева, где на втором этаже в кафетерии давали кофе со сгущенкой и бутерброды с докторской колбасой. Если денег не было, – пирожки с повидлом за пять копеек. Приносили свежие стихи, обменивались соображениями. Андрей в наших летних посиделках в сквере не участвовал – мама, папа, сад-огород. Наши с Лешей семьи были неполными. Отсутствие отцов придавало детству какой-то послевоенный оттенок и в юности изрядно объединяло. Сейчас я думаю, что стихи неамбициозного Андрея были намного интереснее наших, но он, к сожалению, утратил интерес к поэзии.

«Интернационалу» «ЭССЭ» подражало еще и в издательской деятельности – мы печатали на ксероксе сборнички группы и шкурно продавали лицеистам по 20 копеек. Кроме того, мы ходили в два литобъединения одновременно, и там, и там составляя ровно половину участников. Первое, при Дворце пионеров, вел Яков Андреев, хороший поэт решетовского склада, вторым, при ДК автомобилистов, руководил Геннадий Винтер, писавший стихи в совсем другой манере, близкой, если мне не изменяет память, к метаметафористам. Яков Борисович умер в 1997 году, а Гена еще в начале 90-х эмигрировал в Германию. В ДК автомобилистов ходила ехидная Юлия Новоселова, поэтому обсуждения стихов там проходили гораздо интереснее, чем во Дворце пионеров. «Интернациональщики» были старше лет на десять и казались небожителями, и мы таскались к «младоинтернациональщикам» пить чай с сушками в редакции упишной газеты «За индустриальные кадры» – к поэтам Саше Зиниграду (живет в Израиле) и Мише Выходцу (живет в Екатеринбурге), писавшим тонкие, игровые, гениальные стихи. Где-то там же, в УПИ, уже тогда обретался

и Максим Анкудинов, но с ним мы познакомились позже, в 1992 году на фестивале «Вавилона» в Москве.

После окончания лицея Алексей заявил, что выходит из группы и начинает сольную карьеру. Мы с Андреем опечалились, но что было делать. Наш товарищ решил выйти на новый уровень и готовился поступать в Литинститут. Творческая его манера круто изменилась по этому случаю. Серебряный век и прочие виньетки были отправлены в отставку: Леша штудировал сборники уральских официальных поэтов – Сорокина, Шкавро. Расчет сработал – творческий конкурс был пройден, но тут незадачливого абитуриента неожиданно забрали в армию. Лешины стихи лицейской поры я помню наизусть, они очень талантливы.

Я пишу об этом просто потому, что больше никто об этом не напишет. По той же причине хочу описать другой важный биографический момент (остальное либо уже описывалось в других местах, либо содержится в справке и добавить мне нечего, либо требует отдельного разговора, к которому я еще не готов) – знакомство с поэтом Виктором Смирновым, которое на меня сильно повлияло. Стихи Виктора я впервые прочел в 1991 году на филфаке УрГУ, мне их дал Анатолий Фомин, Витин однокурсник и, между прочим, замечательный поэт, о котором тоже нужно бы написать. Так вот, это были четыре рукописных поэтических книги, переплетенные в ледерин, форматом А4, написанные от руки, перьевой ручкой, фиолетовыми чернилами. Книги существовали, по словам Толи, в четырех или пяти экземплярах, розданных друзьям, причем раз в несколько лет автор требовал их себе обратно, вносил правку разноцветными чернилами и возвращал владельцу. Названия книг и даты завораживали – «Митилена» (1977–79), «Луне по обету» (1980–81), «Сирень» (1982–85), «К Цинтии» (1986–89), позже к ним прибавился «Соляной столб» (1990–95) и «Bronze» (1996–2001). Таким образом, это было полное собрание сочинений Виктора, «которое всегда с тобой». Это был настоящий самиздат. И это были удивительные, изумительные стихи – как будто выпавшие откуда-то из XVIII века, архаичные и свежие, с живым и необработанным языком, а главное музыкой. Совершенно не уральское исполнение и не по-уральски долгое культурное эхо. Так в Екатеринбурге тогда не писал никто. И сейчас не пишет. Виктор нигде не печатался и не стремился к этому, работал учителем русского языка в школе, а жил, как оказалось, рядом со мной – на Первомайской, за огромным, с колоннами и с портиком, сталинским зданием бани, которое, по легенде, вызвало возмущение Маленкова, которого провозили мимо, и послужило причиной начала строительства хрущевки. Там, на кухне смирновской однушки, где была

втиснута чудесным образом кушетка, в 1993 году я выпил водки, закусил гречневой кашей с салом и вышел под дождь другим человеком, с пятью рукописными книгами Вити (выпросил!) и подаренной зеленой «Станцией Жизнь» Решетова. Виктор – обаятельнейший человек, внешностью напоминающий артиста Буркова, говорил языком переписки Пушкина с Вяземским, со всеми этими «душа моя», «жив курилка» и «на короткой ноге». Себя он называл байбаком. Стихотворения – пьесами. Это не было стилизацией или

манерностью – Витя там, в том времени, живет. Каждый раз, когда я к нему приходил, он дарил мне какую-нибудь книгу – Шкловского, Эткинда, Гаспарова, мотивируя тем, что у него нет места, а перечитывать уже не будет. Представьте, что это значило для нищего второкурсника филфака! Это была какая-то арзамасская, домашняя и по-настоящему родная атмосфера стихотворчества – с дружескими посланиями, посвящениями, эпиграммами, элегическими и прочими затеями, но не слащавая, а вплоть до барковых соленостей. Витя, в отличие от многих и многих поэтов, никогда не говорил о гонорах, издательствах, переводах, печатании, непечатании, толстых журналах, о том, как кто устроился, вообще о литературно-бытовой стороне, об этих литературских гнусностях и соблазнах. Это был урок отсутствием урока. Витин дом около общественной бани с портиком был (сейчас он живет в другом месте) домом культуры, разговоры и стихи под его крышей – Древней Грецией, родиной поэтов. Первым человеком, наизусть знавшим Батюшкова, которого я встретил, был Виктор (вторым, через несколько лет, стал Борис Рыжий). Витя никогда не выдумывал себе мужских доблестей и тем разительно отличался от суперменства свердловских поэтов-филологов. Он не ломал столешниц ударом руки, не прыгал на спор с третьего этажа, никогда не служил в дисбате, но всегда искренне восхищался подвигами других, тушевался и заранее словно исключал себя из соревнования. Он тот, кто есть, – школьный учитель и поэт божьей милостью. Стихи бывают сильные, слабые, талантливые, неотразимые – Витины обворожительны, как сказано о другом, очень важном для него поэте, «как первый день творенья». К сожалению, до сих пор издан только «Соляной столб», а две куцы журнальные публикации не дают представления о масштабе и обаянии этого драгоценного поэта. Высокое, тютчевское дилетантство. Где бы я ни жил, я живу на улице Первомайской и иду под липами от Вити Смирнова домой, и в голове крутятся его стихи...